

УДК 821.161.1.09"18"

Э. И. Коптева

Омский государственный педагогический университет
eleonora_kopteva@mail.ru

САТИРА И ПРИТЧА В ПОЭМЕ Н. В. ГОГОЛЯ «МЁРТВЫЕ ДУШИ»

Проблематика статьи связана с вопросом эволюции авторского сознания и его отражения в жанрово-стилевой специфике художественного произведения. В связи с этим рассматриваются возможные источники работы Н. В. Гоголя над поэмой «Мертвые души». Выстраивание типологии авторского образного мышления позволяет сопоставить поиски А. Н. Радищева («Путешествие из Петербурга в Москву») и Н. В. Гоголя. Столкновение сатирического и идеального планов изображения человеческого мира осмысливается как неотъемлемая черта русского художественного сознания периода классики, одним из истоков которой стала русская проза конца XVIII в.

Ключевые слова: русская проза XVIII–XIX вв., типология авторского сознания, идеальное, жанрово-стилевое своеобразие произведения, сатира, притча.

E. I. Kopteva

Omsk State Pedagogical University
eleonora_kopteva@mail.ru

SATIRE AND PARABLE IN NIKOLAI GOGOL'S NOVEL «DEAD SOULS»

The perspective of article is connected with a question of evolution of author's consciousness and its reflection in genre and style specifics of a work of art. In this regard, possible sources of work of Nikolai Gogol on the novel «Dead Souls» are considered. Forming of typology of author's figurative thinking allows to compare Alexander Radishchev's searches («Journey from St. Petersburg to Moscow») and Nikolai Gogol. Collision of satirical and ideal plans of the image of the human world is comprehended as the integral line of the Russian artistic consciousness of the period of classics, one of the sources of which the Russian prose of the late 18th century became.

Keywords: 18th–19th centuries Russian prose, author's consciousness typology, ideal, work's genre and style originality, satire, parable.

После появления в печати первый том поэмы Н. В. Гоголя «Мёртвые души» многими критиками был воспринят как комическое и сатирическое изображение русской жизни: «...заразительный хохот пронесся вместе с “Мёртвыми душами” по всем пределам России, где только их читали» (5, 50). Духовные искания писателя в «Выбранных местах из переписки с друзьями» и втором томе поэмы в этой связи демократическая критика противопоставила более ранним произведениям Гоголя (1, 110–118).

Тяга писателя к духовному и религиозному идеалу, стремление «отыскать человека в человеке», человека в Чичикове, губернских чиновниках, опрошенной русской действительности – иными словами, притчевый план изображения был воспринят как отказ от реалистичности образов.

На наш взгляд, противоречие здесь другого рода: сатирический и притчевый планы в русской светской прозе, начиная с XVIII в., прорастают друг в друге, и это вполне закономерно. Поиск духовного идеала всегда связан с критикой социального существования человека. Притча «прорастает» изнутри сатиры. Тому примером могут послужить «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, гоголевская проза, семейная хроника «Господа Головлевы» М. Е. Салтыкова-Щедрина, творчество Ф. М. Достоевского.

«Вот уже почти полтора года лет протекло с тех пор, как государь Петр I прочистил нам чистилищем просвещения европейского, дал в руки нам все средства и орудья для дела, и до сих пор остаются так же пустыни, грустны и безлюдны наши пространства. так же бесприютно и неприветливо все вокруг нас, точно как будто бы мы до сих пор еще не у себя дома, не под родной нашею крышей, но где-то остановились бесприютно на проезжей дороге, и дышит нам от России не радушным, родным приемом братьев, но какой-то холодной, занесенной вьюгой почтовой станцией, где видится один ко всему равнодушный станционный смотри-

тель с черствым ответом: “Нет лошадей?” Отчего это? Кто виноват?» (3, 255). Начало этого фрагмента из «Выбранных мест...» отсылает к видению рассказчика в «Путешествии...» Радищева о явлении Прямовзоры, еще более развернуто предстает сопоставление с повествованием из главки «София»:

«Почтового комиссара нашел я храпящего; легонько взял его за плечо.

– Кого черт давит? Что за манер выезжать из города ночью. Лошадей нет; очень еще рано; взойди, пожалуй, в трактир, выпей чаю или усни. – Сказав сие, г. комиссар отворотился к стене и паки захрапел. Что делать? Потряс я комиссара опять за плечо.

– Что за пропасть, я уже сказал, что нет лошадей, – и, обернув голову одеялом, г. комиссар от меня отворотился» (4, 29).

Конкретная житейская ситуация обобщается до общероссийских масштабов и указывает на ключевые проблемы русской жизни: отсутствие сочувствия к ближнему у исполнителей власти, резкое противопоставление нравственного и социального.

Поиск животворных начал ведет обоих повествователей к исповедальности, выстраиванию внутреннего разговора «я» с Богом. Именно эта особенность, на наш взгляд, меняет содержательность сатирических приемов, выводя из горизонтали социального мира к вертикали духовного явления. Сопоставим два фрагмента:

«Я опомнился. Достиг вершины горы и, узрев церковь, возвел я руки на небо.

– Господи, – возопил я, – се храм твой, се храм, вещают, истинного, единого бога. На месте сем, на месте твоего ныне пребывания, повествуют, стоял храм заблуждения. Ноне могу поверить, о всесильный! чтобы человек мольбу сердца своего воссылал ко другому какому-либо существу, а не к тебе. Мощная десница твоя, невидимо всюду простертая и самого отрицателя всемогущия воли твоя нудит признавати природы строителя и содержателя. <...>. Ты ищешь, отец всещедрый, искреннего сердца и души непорочной; они отверсты везде на твое пришествие. Сниди, господи, и воцарися в них.

И пребыл я несколько мгновений, отриновен окрестных мне предметов, нисшед во внутренность мою глубоко. Возвед потом очи мои, обратив взоры на близ стоящие селения:

– Се хижины уничижения, – вещал я, на месте, где некогда град великий гордые возносил свои стены. Ни малейшего даже признака оных не осталось. Рассудок претит имети веру и самой повести: столь жаждущ он убедительных и чувственных доводов. И все, что зрим, преидет; все рушится, все будет прах. Но некий тайный глас вещает мне, пребудет нечто во веки живо» («Бронницы», 4, 68).

«И над всем этим собраньем дерев и крыш возносилась свыше всего своими пятью позлащенными, играющими верхушками старинная деревенская церковь. На всех ее главах стояли золотые прорезные кресты, утвержденные золотыми прорезными же цепями, так что издали казалось – висело на воздухе ничем не поддержанное, сверкавшее горячими червонцами золото. И все это в опрокинутом виде, верхушками, крышками, крестами вниз, миловидно отражалось в реке, где безобразно-дуплистые ивы, одни стоя у берегов, другие совсем в воде, опустивши туда и ветви и листья, точно как рассматривали это чудное изображение...» (5, 368).

Авторское сознание в обоих случаях выводит к изображению двоимирия: мир Божий и мир человеческий соотносятся как зеркально противоположные друг другу. В процитированных фрагментах акцентируется тайна Божьего замысла и возможность возвращения человеческой души к целостному мирозданию. Так, сатира становится указанием на неполноценность человеческого существования, а исповедальный стиль и притчевое построение сюжета – залогом и необходимостью возвращения к духовному пути – единственному, придающему смысл конечному человеческому бытию: «Какие искривленные, глухие, узкие, непроходимые, заносащие далеко в сторону дороги избирало человечество, стремясь достигнуть вечной истины, тогда как перед ним весь был открыт прямой путь... Всех других путей

шире и роскошнее он, озаренный солнцем и освещенный всю ночь огнями, но мимо его в глухой темноте текли люди» (5, 201).

Перечитывая книги Гоголя и Радищева, читатель может почувствовать, насколько близки авторы в своих рассуждениях, словно ведут беседу, хотя их разделяет полвека: «Бог всегда пребудет бог, ощущаем и неверующим в него. Но если думаешь, что хулением всевышний оскорбится, – урядник ли благочиния может быть за него истец? Всесильный звонящему в трещотку или биющему в набат доверия не даст. Возгнушается метатель грома и молнии, ему же все стихии повинуются, возгнушается колеблющий сердца из-за пределов вселенная дать мстити за себя и самому царю, мечтающему быти его на земли преемником. Кто ж может быть судиею в обиде отца предвечного? – Тот его обижает, кто мнит, возможет судити о его обиде. Тот даст ответ пред ним» («Торжок», 4, 132).

Такой ракурс изображения мира и человека у Гоголя и Радищева помогает понять, как герой анекдота может стать героем притчи. Речь здесь не только о Чичикове. И Плюшкин, и Кифа Мокиевич, и Мокий Кифович, и другие персонажи, выражающие общечеловеческие черты, вбирают в себя не только и не столько конкретный историко-социальный смысл, а способны воплотить разные стороны человеческого мироотношения, вообще человека.

Симптоматично, что финалы «Путешествия...» Радищева и поэмы «Мёртвые души» Гоголя вновь сходятся в авторской установке. Радищев, размышляя о глубинных силах русского народа, завершает «записки» «Словом о Ломоносове», написанном раньше основного текста: «Человек, рожденный с нежными чувствами, одаренный сильным воображением, побуждаемый любочестием, исторгается из среды народный. Восходит на лобное место. Все взоры на него стремятся, все ожидают с нетерпением его произречения. Его же ожидает плескание рук или посмеяние, горшее самой смерти. Как можно быть ему посредственным?» (4, 185). Слово помещено в главке под названием «Черная грязь». Название метафоризируется и соотносится с гущей, черной землей, способной породить богатырские силы, людей, подобных Ломоносову. Отметим, что тема богатырского сна перекликается с гоголевскими размышлениями о богатыре, всколыхнувшем Россию.

Обращаясь к поздней прозе Гоголя, мы можем заключить, что автор обобщил и синтезировал поиски писателей предшествующего литературного периода, в том числе жанрово-стилевые особенности указанной книги Радищева, сочетающей высокий стиль с элементами сатиры и иронии, духовные и философские искания с описанием быта и нравов своих современников.

Литература

1. *Белинский В. Г.* Письмо к Н. В. Гоголю // Гоголь в русской критике. Антология. М., 2008. С. 110–118.
2. *Гоголь Н. В.* Собр. соч.: в 7 т. / под ред. С. И. Машинского и М. Б. Храпченко. Т. 5. Мертвые души. М., 1978.
3. *Гоголь Н. В.* Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н. В. Собр. соч.: в 7 т. Т. 6. М., 1978. С. 184–380.
4. *Радищев А. Н.* Сочинения / вст. ст., сост. и коммент. В. А. Западова. М., 1988.
5. *Шевырев С. П.* «Похождения Чичикова, или Мёртвые души». Поэма Н. Гоголя. Статья вторая // Гоголь в русской критике. Антология. М., 2008. С. 49–73.